

Стреляться решили с барьеров в пятнадцать шагах, а сходитьсь от тридцати двух. Корнет предложил стреляться через платок, но Барон с усмешкой отмёл, сказав, что так выясняют вопросы чести лишь проигравшиеся юнкера да недочувшиеся студенты — чем напрочь отбросил немногие остававшиеся надежды на примирение. Секундантом выбрали Поручика — бретёра и общепризнанного знатока дуэльного кодекса — одного на двоих. Это было отклонением от правил, но довериться больше было некому, да и не единственное это нарушение было — пистолетов-то, как полагалось, одинаковых, дуэльных тоже не нашлось — каждый стрелял из своего, личного оружия.

Утро выдалось пасмурное, серое и неуютное — хоть и тепло, а весной не пахло. Ранняя обманчивая оттепель подтопила некогда пышный снежный покров поляны, и теперь местами из-под него проглядывали унылые островки прошлогодней жухлой травы и робкие стрелки молодой зелени. Зима, прикинувшись ранней весной, выманивала из укрытий всё выжившее, чтобы на прощанье последним морозным ударом добить доверчивых. Поручик, мурлыча под нос модный пошленький романс, отмерил расстояние, носком сапога прочертил границы, а барьеры пометил, воткнув в раскисший грунт две сухие еловые ветви. Сходитьсь начали по команде, пистолеты подняли почти одновременно, но Барон выстрелил первым, не дойдя до барьера несколько шагов.

Выстрел долгий и гулкий поднял стаю ворон на дальнем конце поляны, под их всполошённое карканье заметался круговым насмешливым эхом и заглох в так и не проснувшемся густом ельнике.

Один из дуэлянтов выронил пистолет и молча закрыл руками лицо. Из-под растопыренных пальцев просачивалась и капала, расплываясь в подтаявшем сероватом снегу, алая кровь.

Чертыхаясь и скользя в чавкающей слякоти, к нему бежал Поручик, на ходу доставая заготовленные заранее вату и бинты.

Второй — опустил пистолет, осторожно поставил на предохранитель, убрал в кобуру и лишь тогда не торопясь направился к ним.

* * *

Медную трубку, из которой был сделан ствол самопала Барона, разорвало у самой рукоятки — то ли пороху переложил, то ли пыж слишком туго вогнал,

а может, просто срок ей подошёл — такие больше трёх-четырёх выстрелов и не выдерживали. У Корнетова пугача ствол-то настоящий — из найденной в болоте немецкой винтовки — проржавела вся, но подходящий кусок Корнет всё ж из неё выпилил, в керосине вымочил, вычистил и отполировал. Нарезки внутренней, правда, осталось совсем чуть-чуть, но и этого хватало — отлично летело: и кучно, и доски сарая пробивало насквозь. И зажигание Корнет сделал, почти как у настоящего, с полкой, на которую порох насыпается, с кремнём — он вообще рукастый парень. А с порохом проблем не было — какой хочешь — хоть мелкий, серый, из патронов, которых в лесу, как клюквы на болоте, а хочешь артиллерийский — желтоватые цилиндрики в дырочку — так Мазай с приятелем полный снарядный ящик открыл и уж год как их тихонько пилит, и порох пацанам на водку и папиросы выменивает. Ну, а дробь любых размеров и жаканы отливали сами — в мастерской Корнета, что соорудил он за бабкиным сараем. Там же и биты для игры в Чуку лили, и грузила, и кастеты.

Кусок покрупнее рассёк бровь — так шрам навсегда и остался. Незаметный за разросшимися густыми чёрными волосками он приподнимал бровь шалашиком, придавая лицу Барона постоянное вопросительно-насмешливое выражение. А осколок помельче застрял в роговице, и хоть глаз не вытек, но с тех пор Барон им почти ничего не видел. Первое время после выписки из больницы он носил чёрную повязку — так и стал и Кутузовым, и Фельдмаршалом, перепрыгнув разом через несколько ступеней «Табеля о рангах». Позже повязку надевал редко и даже нашёл в этом своеобразное удовольствие. Потренировавшись перед зеркалом, он отыскивал нужный ракурс и развлекался, пугая незнакомых девушек — внезапно распахивал полуприкрытые веки и упирался в них мертвенным неподвижным взглядом с чёрным штрихом-молнией, перечёркивающим янтарную радужку. Офицерский клуб хирел, а вскоре и вовсе распался — кто-то из мальчишек перерос эту игру, Поручика отправили на всё лето к бабушке в деревню, а отца Кутузова перевели с повышением в другой гарнизон, и следующий школьный год Фельдмаршал встречал на противоположном конце огромной страны. Последний раз они виделись на вокзале, куда Корнет почему-то пришёл, хоть и зван не был. Настроение у всего Кутузовского семейства, за исключением папаши, месяц не переставая отмечавшего получение первой большой звезды, было сумрачное. Мать репетировала тоску интеллигентной офицерской жены среди дальневосточных сопок, а Кутузов с грустью предвкушал, что кличка-то за ним последует, а вот фельдмаршалом в новой школе ему уже не быть — начинать придётся сначала. После дуэли, о которой никто так и не узнал (Поручик не разболтал, а то б ему первому и влетело) между ними не было никаких отношений, при встрече молча раскланивались, руки друг другу не подавали. Но на вокзальном заплёванном перроне среди нервной суеты и пересчёта чемоданов Корнет улучил момент, подошёл попрощаться, неожиданно обнял Кутузова и наклонившись шепнул что-то ему на ухо. Тот вскинулся и, выпятив подбородок, ответил с вызовом: «Всегда к вашим услугам, Сударь».

— Вызывали, гражданин начальник? — Худой человек в чёрном бушлате и с шапкой в руке замер у захлопнувшейся за ним двери, выпрямившись, расправив плечи и слегка вздёрнув гладко выбритый подбородок.

— Не по форме представляешься, Нельсон, — лениво откликнулся, не поворачивая головы от окна, плотный человек в милицейской форме, стоявший боком к вошедшему. — В ШИЗо захотел?

За окном быстро темнело, по краям стекла переводными картинками проявлялись морозные узоры — короткая вспышка северной оттепели сменялась привычной стужей, сковывая льдом, выманенные из-под снега ростки зелени.

— Никак нет, гражданин начальник, — не меняя позы ответил вошедший. — Заключённый... имя... статья... — он отбарабанил положенное приветствие и замолк, исподлобья ощупывая незнакомца колючим взглядом.

— Так-то оно лучше... Нельсон, значит... Адмиралом заделался. Адмирал в законе, — Человек говорил негромко, но разборчиво и зло. — Чем же тебе фельд-маршал плох был? А, Кутузов?

Зэк непонимающе настороженно всматривался в новое, незнакомое начальство.

— Так это, гражданин начальник, мы ж не сами погоняла выбираем — это как общество решит. Никакой русофобии, гражданин начальник.

— Да какой я тебе «начальник», — ухмыльнулся человек у окна. — Я ж тут случайный. Хотя... Тебе сколько ещё мотать осталось? Сейчас глянем в твою папку... Ага... вот — почти пятёрочку... И на УДО подавать уже можно через полгода. А вот тут-то от меня кое-что зависит. — Он замолк и выжидающе повернулся к застывшему у дверей зэку, — Ну что — так и не узнал?

— Корнет, — без удивления, словно подтверждая свою давнюю догадку, ответил тот. — Не узнал. Понял, что ты. Но не признал.

Ни тот ни другой не сделали шага навстречу, но словно тонкая невидимая струна возникла и натянулась между этими, находящимися сейчас по разные стороны барьера людьми, и, казалось, что в наступившем молчании, чётко слышалось её тонкое комариное гудение.

— Да. Я. Только вот уже не Корнет, а полковник. И не выдуманный, как в детстве, а реальный. Инспектор ФСИН по вашему округу. Не ожидал?

Человек у двери колебался, стоит ли вообще отвечать.

— Да как-то и не помнил я о тебе, не думал. Столько лет прошло, и столько всего переменялось...

— Вот как... А я о тебе не забывал.

Полковник достал из крашеного «под дерево» металлического шкафа начальную бутылку водки и разлил поровну в два мутноватых гранёных стакана. Вышло по половине.

— Ну, давай за встречу.

Человек у двери не двинулся с места и лишь отрицательно покачал головой.

— Не могу я пить с тобой. По понятиям не положено.

— Ну, да... ты ж теперь «в законе». Воровская честь, — презрительно протянул полковник. — А когда-то у нас с тобой о чести другие понятия были.

— А у тебя теперь какая честь? — тихо спросил Нельсон. — Ментовская? Она что — та же, что была тогда?

Полковник сделал вид, что не услышал. Легко, одним глотком, отправил внутрь содержимое своего стакана, закурил. Поймав взгляд зэка, подтолкнул к нему пачку. Ухмыльнулся.

— А курить тебе со мной не запахло?

Тот не отвечая сделал два шага к столу, взял сигарету.

— А ты ведь опять меня обскакал, — продолжил полковник. — «В законе», — это ж считай генеральское звание.

— Люди решают, — отозвался зэк, с видимым удовольствием делая глубокую затяжку. — Я ж не сам себя короновал.

— Люди, — презрительно усмехнулся полковник, подвигая к себе второй стакан. — Такие же воры и убийцы, как и ты.

— На мне мокрухи нет, полковник, — вскинулся тот.

— Есть, фельдмаршал, и ты знаешь, что есть — не доказали только. Или откупился на следствии — другое на себя взял, чтоб это сняли. Я в детали не лез, но знаю, как это делается.

— Не доказано — значит, нет, — упрямо повторил зэк.

— Да мне плевать. Меня твои статьи не интересуют. Я не следствие и не суд. Последний раз спрашиваю — будешь? — и показал на не тронутый стакан.

Зэк снова отрицательно мотнул головой, и полковник тем же манером не закусывая влил в себя второй.

— А ты помнишь, что за мной ещё выстрел остался? — выдохнув и закурив следующую сигарету, спросил он, прищурившись и склонив на бок коротко, но аккуратно подстриженную лобастую голову.

— Помню. — Спокойно ответил зэк. — Хочешь сквитаться прямо сейчас или статью нарыть и под вышку подвести?

— Дурак, — лениво отозвался полковник. — И тогда дураком был. Ты ж понимаешь — я сейчас могу с тобой сделать всё, что угодно. Если захочу. Ты сейчас — вошь. Пшёл вон. Иди в барак. Досиживай. Ещё встретимся.

* * *

Комната с двумя большими окнами, массивным письменным столом и ковром на полу никак не походила на гостиничный номер, и вошедший с удивлением огляделся по сторонам, словно не узнавая знакомые места.

Грузный мужчина в сером с тонкой бордовой нитью костюме и белой рубашке без галстука поднялся навстречу.

— Ну, здравствуй, Нельсон.

Он обогнул стол, протянул руку и испытующе посмотрел вошедшему в глаза. Тот спокойно встретил его взгляд и без колебаний пожал крепкую слегка влажную кисть.

— Здравствуй, Корнет. Извини, не знаю твоего нынешнего звания. Генерал?

— Генерал-лейтенант, Нельсон. Но до фельдмаршала всё одно не дотянул. И не притворяйся — всё ты знаешь. У вас разведка налажена.

Вошедший притворно нахмурился.

— Разведка. Всех их под трибунал надо. Никто не доложил, что у нас в гостинице такие хоромы имеются.

Генерал улыбнулся.

— Не сердчай на подручных, Нельсон. Они просто не успели. Это всё буквально за два дня оборудовали, после того как гостиницу эту купили. Тут у нас основная, так сказать, база будет. Пока всё остальное оформим.

Ожившее было лицо гостя вновь закаменело. Набухли желваки.

— Купили?

— Да, — наиграно-простоудушно ответил генерал. — Пару дней назад и приобрели, а сегодня с утречка все бумаги и оформили. Да ты присаживайся, фельдмаршал. — Он указал на два кресла, стоящих у низкого журнального столика, где на плетёной салфетке в косых лучах заходящего солнца поблёскивали хрустальный графин и два коньячных фужера. — Посидим, выпьем за встречу. Прошлое вспомним, нынешнее перетрём. Тебе ж сейчас-то со мной выпить не запаadlo?

Гость хмуро промолчал, но в кресло, не дожидаясь хозяина, сел, раскинул полы кремового лайкового пиджака, надетого поверх чёрного джемпера с открытым воротом. Шрам под изломанной углом бровью набух и покраснел, сухие пальцы с единственным перстнем, повёрнутым печаткой внутрь, переплелись.

— Резвые вы ребята — москвичи, — удивлённо сказал он. — Трёх дней не прошло, как приехали, а уже и гостиницу лучшую под себя подобрали и весь город подмять нацелились.

Хозяин номера, благодушно отдуваясь, разместился в кресле напротив.

— Холодно тут у вас. Не ожидал я, что здесь такой колотун, — словно не слыша сказанного гостем, пропыхтел он, неумело возясь с графином.

— Да это просто заморозки, последние перед весной, — сдерживая подступающее раздражение, поддержал разговор гость. — Весна скоро. Весна тут красивая... для тех, кто зиму переживёт.

Хозяин справился наконец с залипшей пробкой, разлил.

— Ну что, адмирал-фельдмаршал, давай — за встречу!

Он поднял свой фужер и подтолкнул к гостю стоявшее там же блюдечко с нарезанным и посыпанным мелкомолотым кофе лимоном. Гость отхлебнул, сделал вид, что смакует, взял лимонную дольку. Генерал привычным движением сглотнул коньяк не закусывая, достал сигареты.

— Эх, молодость. Вот времена были... А как мы тогда пели, помнишь?.. — и между затылками промурлыкал — «...и честь должна быть спасена мгновенно»... Да... сколько пролетело...

Гость не поддержал, нервно покрутил в пальцах искрящийся фужер. Собрался что-то сказать, но генерал опередил.

— А я тебе сейчас что покажу, Кутузов — не поверишь...

Неожиданно легко он вскочил с кресла и из серого некрашеного сейфа, скрытого за письменным столом, достал узкую полированную коробку из светлого дерева с инкрустацией на крышке. Не торопясь, выдерживая паузу, он поставил коробку перед гостем, затем так же медленно налил обоим ещё коньяка и лишь тогда, отщёлкнув застёжку, откинул верх. В коробке, в углублении, выложенном густо-вишнёвым бархатом, матово отсвечивая отполированным стволом, лежал тот самый пистолет корнета — самопал, выпиленный им когда-то из проржавевшей немецкой винтовки.

Гость с изумлением переводил взгляд с пугача на генерала и обратно.

— Это тот самый?

— Он, — захихикал генерал. — Он. Так его и храню. Украшение, можно сказать, моей коллекции. А арсенал, кстати, у меня знатный. Один из лучших в Москве. Если будешь в столице — заезжай, похвастаюсь. Редкие экземпляры есть. Одних только Лепажев дуэльных, с гравировкой и инкрустацией — три полных комплекта, в родных коробках, как новенькие. В Цюрихе на аукционе приобрёл. Из княжеской коллекции. А уж двадцатый век — так вообще полностью представлен. Всё вплоть до самых редких и опытных образцов. Всё в отличном, рабочем состоянии. И тир у меня в подвале роскошный. Приезжай — постреляем, как в прежние времена.

— Спасибо, Корнет, — генерал недовольно вздрогнул. — Как-нибудь воспользуюсь любезным приглашением, — отозвался гость, после паузы. — Удивил ты меня. А сейчас, если ты не против, давай займёмся нашими делами.

Генерал поскущел, разъехавшееся в ностальгической гримасе пухлое лицо его враз подобралось, мутная пелена с глаз спала, открыв холодный и трезвый взгляд, и лишь свисающие подрагивающие брыли, по-прежнему напоминали о только что сидевшем напротив добродушном сенбернаре.

— Ну что ж, давай займёмся.

— Генерал, это наш город, — генерал не пошевелился. — И это наш комбинат. И ты прекрасно об этом знаешь. То, что вы предложили за него — это не цена. Тут даже толковать не о чем. Говори со своим руководством — давайте реальную цену, тогда будем думать. А пока наш ответ — нет. Не договоримся. Да нам всё это обошлось дороже, чем то, что вы предлагаете.

— Да я всё понимаю, Нельсон, — лениво отозвался собеседник. — И знаю, кому и во сколько это обошлось. И даже знаю, где вы закопали бывшего директора комбината со всей семьёй... — гость напрягся, но промолчал. — Также знаю, что ты тут «смотрящий», и сам такие решения принимать не вправе, впрочем, так же как и я. Но я знаю, что среди моих полномочий — а они довольно широкие — нет пункта об увеличении цены. Так что иди, посоветуйся ещё раз со своей братвой — ну и я со своими свяжусь.

Гость, не отвечая, поднялся, развернулся к двери и уже сделал несколько шагов, когда хозяин остановил его вопросом:

— Слушай, Барон, а ты не помнишь, из-за чего мы тогда стрелялись?

Тот резко остановился, замер, медленно повернулся, и на лице его впервые за весь вечер появилось какое-то подобие растерянной улыбки.

— А ведь не помню... ты что-то сказал... или я... кто-то оскорбился... Но ведь не из-за бабы же?

— Вот и я не помню, — сокрушённо отозвался Корнет. — Но, наверняка, не из-за бабы. Я б запомнил.

Когда дверь за гостем закрылась, он посидел несколько минут не шевелясь, затем налил себе ещё коньяку, не закусывая выпил, достал телефон и сделал два звонка.

— Не договорились. И, похоже, не договоримся. Нет, с остальными проблем не будет. Они сговорчивее. Да. Понял. Есть.

Второй разговор вышел ещё короче:

— Зайди ко мне.

Вошедший молча выслушал инструкции, отковырнул и собрался исчезнуть, но Корнет удержал его:

— И вот ещё что — контрольный сделаешь из этого. — И, не вставая с кресла, подтолкнул к Поручику коробку из полированного светлого дерева.